

А.В. Лукин¹

Евгений Петрович Бажанов в моей жизни

Евгений Петрович Бажанов – один из тех людей, которые сыграли существенную роль в моей жизни, по большей части позитивную, хотя случались и сложные моменты. Таких людей не очень много, поэтому его уход, несмотря на то что мы довольно давно не виделись, произвел на меня тяжелое впечатление своей неожиданностью и необратимостью.

Церемония присвоения Г. Киссинджеру звания почетного доктора Дипломатической академии МИД России. Слева направо: А.В. Лукин, Е.П. Бажанов, Г. Киссинджер, С.А. Рябков. 28 октября 2013 г.

---

¹ Научный руководитель ИКСА РАН, главный редактор журнала «Российское китаеведение».

Мы познакомились в далеком 1983 г., когда я, тогда студент пятого курса восточного отделения факультета международных отношений МГИМО, приехал на практику в советское посольство в Китае. Практикантов, как всегда, в посольстве не особо ждали и не совсем понимали, чем их нагрузить. Им назначали куратора, который и должен был этим заниматься. Мне повезло, что таким куратором мне определили Евгения Петровича, тогда уже довольно опытного дипломата, советника и, кажется, руководителя группы, занимавшейся внешней политикой Китая. Он поручал мне делать переводы каких-то статей из китайских газет, которые потом входили в дайджест китайской прессы, направлявшийся, среди прочей информации, посольством в Москву. Обстановка в посольстве была вполне советская: помимо обычной дипломатической работы, все выполняли поручения партии и правительства, проводили летучки, партийные и комсомольские собрания и сообщали друг о друге информацию в соответствующие органы.

На фоне скучных чиновников Евгений Петрович казался примечательным исключением. Он обладал живым умом, постоянно шутил, весьма критически отзывался обо всем на свете, был приветливым. До Китая он уже поработал в США в генконсульстве в Сан-Франциско и в МИД на китайском и юго-восточноазиатском направлениях, после окончания МГИМО был на стажировке, но не в Китае, а в Сингапуре. Туда посылали китаистов для совершенствования китайского языка в то время, когда с коммунистическим Китаем студенческие и научные связи оборвались. Он обладал каким-то загранично-дипломатическим лоском, всегда хорошо одевался, был приветлив, в отличие от многих советских начальников, дружелюбен. И что более важно, он вызывал какое-то чувство доверия, о котором имеют представление только советские люди: казалось, что с ним можно было обсуждать темы, которые с другими обсуждать не стоит. Ко мне он, вроде бы, испытывал такое же чувство. По крайней мере, говорил со мной о многом, в том числе о положении на родине, довольно откровенно.

Жаловался он и на обстановку в посольстве, где многие, по его словам, не занимались дипломатической работой, а мешали ей. Например, он рассказывал случаи, как один из коллег спросил его, какие он носит на руке часы. Евгений Петрович быстро сориентировался, и сказал, что советского производства. Тогда тот стал говорить что-то типа: «Ну, сознайтесь, что советские часы гораздо хуже американских или японских, Вы же хорошо это знаете, Вы же работали в США!». Евгений Петрович настаивал, что советские часы по качеству гораздо лучше всех заграничных. По всей видимости, если бы он сказал, что американские часы лучше, что было очевидно всем, то на него в центр ушел бы донос о том, что член КПСС советник Бажанов прихлебательствует перед Западом. «Как можно работать в таких условиях и сообщать центру правдивую информацию, если приходится врать даже о часах», – расстраивался он.

Вместе со своей женой Натальей Евгеньевой он почему-то проникся ко мне симпатией как к одинокому, застенчивому, но, видимо, производящему впечатление смышленного, юноше. Они стали давать мне советы не только по работе, но и опекать в нерабочее время. Думаю, что им понравилась моя любознательность и искреннее желание узнать больше о Китае, его истории и культуре, которые они тоже старались

изучать все свободное время. Евгений Петрович уже был кандидатом наук, он защитил диссертацию по Сингапуру и хорошо его знал, он уже писал что-то и о США, и было ясно, что и Китай он не оставит своим литературным вниманием.

В результате, пока другие стажеры вместе с прочими сотрудниками посольства в свободное время ездили по магазинам и заказывали отсутствующую в СССР электронику по гонконгским каталогам, мне почти каждые выходные удавалось поехать вместе с Бажановыми в какой-то буддийский храм, посмотреть могилы китайских императоров, Великую китайскую стену и много еще чего из расположенных в окрестностях Пекина исторических памятников и достопримечательностей. Не обходили мы вниманием и рестораны, куда меня водили подкормить (студент всегда голоден) и заодно показать различные направления китайского кулинарного искусства – одной из основ великой китайской цивилизации (впоследствии Бажановы написали небольшую книгу и на эту тему).

Вероятно, тогда и на работе Евгений Петрович обратил на меня внимание. По крайней мере, в предисловии к моей книге об образе Китая в России, которую я издал гораздо позднее, он, очень мило по старой привычке называя меня Сашей, описал историю, которую я, честно говоря, не помню. Якобы на одной из ежедневных утренних летучек у тогдашнего посла И.С. Щербакова, я, когда до меня дошла очередь высказать мнение о том, как улучшить отношения с Китаем, заявил, что лучше всего было бы устранить три препятствия, которые Пекин выдвигал как предварительные условия, то есть отвести войска от границы, вывести их из Монголии и прекратить помощь Вьетнаму в его акции в Камбодже. За это меня, по словам Евгения Петровича, чуть было не выслали из посольства.

Щербаков был типичным советским чиновником, который про Китай ничего не знал и запомнился мне только тем, что, когда меня оставляли дежурить по ночам в посольстве, заходил в комнату дежурного дипломата, где стоял телевизор, и просил перевести ему китайские новости (никакими иностранными языками, он, естественно, не владел). Пару раз я переводил ему на приемах, на которые вместе с ним ездил на посольской «Чайке» с советским флагом. Это, естественно, вызывало у меня чувство законной гордости, присущее всякому советскому человеку. Однако, я думаю, что, если бы я что-то такое сказал в его присутствии, мне бы точно не поздоровилось.

Если что-то такое и было, то это могло быть только во время моей стажировки, потому что Евгений Петрович уехал из Китая на работу в ЦК КПСС в 1985 г., а я приехал работать в посольство уже в начале 1986 г. Я даже помню, как был на прощальном приеме в посольстве. Но никакой серьезной критики своего поведения со стороны посольства во время стажировки я не запомнил и после возвращения особых проблем у меня не было. Наоборот, вскоре я был направлен на практику в Пекинский университет, а туда вряд ли бы послали политически неблагонадежного. Возможно, Евгений Петрович преувеличил, и я сказал не совсем это или не совсем там, а, скажем, ему в ресторане. Но в любом случае, как явствует из его предисловия, у него сложилось (во многом превратное) впечатление, что я человек мужественный, принципиальный и даже политически прозорливый. Вероятно, в будущей моей судьбе это сыграло какую-то роль.

Другая история, произошедшая чуть позже, описана Евгением Петровичем довольно точно. После окончания МГИМО я поступил на работу в Первый дальневосточный отдел МИД и сразу же был отправлен на стажировку в Пекинский университет, где попросил прикрепить меня к философскому факультету, так как интересовался культурой и философией этой страны. Но связь с посольством у советских студентов не прекращалась. Там для руководства нам был выделен ответственный сотрудник, но кроме него, я по старой памяти неформально продолжал общаться и с Евгением Петровичем. Он живо интересовался реальной китайской жизнью, которую трудно узнать дипломату, находящемуся под постоянным наблюдением и ограниченому в общении. Я же как студент мог встречаться с кем угодно, одно время я даже жил с китайским студентом, изучающим марксизм, в одной комнате. Евгений Петрович расспрашивал меня обо всем: жизни китайских студентов и их преподавателей, культурных новостях, моих поездках по городам и весям Китая. О чем-то я давал ему письменные заметки, которые он, вероятно, как-то обрабатывал и отправлял в Москву. Но главное, что его поразило, это то, что я приносил ему журналы, издававшиеся институтами Китайской академии общественных наук, на которых по старинке стоял гриф «для внутреннего использования». Ничего секретного в них, конечно, не было, они продавались в книжных магазинах, но в специальных отделах, куда пускали только китайцев. Впрочем, после начала реформ в стране царил такой бардак, что временами старые номера продавали в университете прямо на улице всем подряд, а иногда меня как студента китайского вуза пускали и в эти закрытые отделы, где, увидя мой жалостный взгляд учащегося, который не может найти материала для диплома, отдавали мне их, срывая обложку с грифом. В основном это были журналы Института СССР и Восточной Европы или Института мировой экономики и политики, где ученые писали о китайской внешней политике. Очень скоро гриф с них сняли и теперь все они выходят открыто. Но тогда в ЦК КПСС очень интересовались взглядами китайских ученых, и эти материалы, переправленные с соответствующими комментариями Бажановым в Москву, были высоко оценены. А Евгений Петрович удивлялся, как это раньше десятки дипломатов и не только дипломатов посольства не смогли сыскать то, что в большом количестве находил один стажер.

После моего возвращения в Москву мы продолжали общаться, хотя встречались не очень часто. Мы с другим стажером Андреем Дикаревым написали книгу «Три путешествия по Китаю» о наших поездках в разные части страны – на юг, в только начинавший строиться Шэньчжэнь, на в то время загадочный остров Хайнань, на север, в город русских эмигрантов Харбин, на запад, в недоступный даже для Пржевальского Тибет. Издательство «Молодая гвардия» очень заинтересовалось нашей рукописью, потому что про Китай тогда писали мало, а ездили по его регионам еще меньше, многие из них только что открылись для иностранных туристов. Но так как отношения с Пекином были еще достаточно напряженными, редактор решил подстраховаться и отправить ее на рецензию кому-то из начальства, причем попросил нас самих этих рецензентов найти. В МИД я отдал нашу книгу В.Я. Воробьеву, который заведовал сектором в Первом дальневосточном отделе, а в ЦК КПСС – Евгению Петровичу. Он, конечно, хорошо знал о наших поездках и даже повторил наш мар-

шрут или его часть с одним из сотрудников посольства. Он активно рекомендовал книгу к печати. В результате она вышла, и весь тираж в 100 тыс. экземпляров был быстро распродан. Никогда уже с тех пор мои книги не печатались таким огромным тиражом.

Из-за разных задержек книга была напечатана только в 1989 г., я к тому времени уже поработал два года в посольстве, куда меня направили после стажировки, вернулся в Москву и пошел на работу в отдел Китая Института востоковедения академии наук. Годом раньше Евгений Петрович защитил там докторскую диссертацию, посвященную роли США во внешнеполитической стратегии Китая. Я об этом тогда не знал, так как до 1988 г. был в Китае, но потом мне рассказывали, что защищалась она не без проблем. Ее текст несколько раз просили дорабатывать. Возможно, это было связано с тем, что к диссертации, по которой он потом издал книгу, Евгений Петрович подошел не как к своим публицистическим запискам, в которых он писал, что думал, а как к политическому документу, в котором следует писать, что положено. К тому же, как я потом сам обнаружил, к академическим формальностям в своих текстах он относился весьма свободно: цитаты у него, например, часто не совпадали с оригиналом, ссылки вообще брались неизвестно откуда, даты тоже бывали неточными. Он, впрочем, считал все эти трудности происками завистников и объяснял мне, что главное – это мысль, а всей этой оформительской ерундой заниматься скучно и проверять все равно никто не будет.

В том же 1989 г. в Китае прошли известные студенческие выступления, переросшие в серьезные беспорядки. Я в то время был активным сторонником демократизации и решил написать статью о реакции в СССР на эти события. Так как площадь Тяньаньмэнь была в центре мирового внимания, мою статью быстро опубликовали в “The China Quarterly” – ведущем мировом китаеведческом журнале, издающимся в Великобритании. Среди прочих авторов я цитировал в ней публикации некоего Н. Анина в еженедельнике «Новое время», которого подверг критике за непоследовательность и следование в фарватере оценок официальной китайской прессы. То же я повторил и в другой статье, опубликованной в России. Кем был этот Анин, мне установить не удалось, и я решил, что это какой-то журналист-международник. Лишь через много лет Евгений Петрович рассказал мне, что за этим псевдонимом скрывался он. Больше того, из-за того, что он написал об этих событиях, слегка отклонившись от официальной позиции, у него были большие проблемы в ЦК, то есть с другой стороны.

В 1991 г., незадолго до распада СССР Евгений Петрович перешел в Дипломатическую академию МИД проректором по научной работе. Он чувствовал, что история ЦК, да и всего СССР приближается к концу, но МИД должен был остаться при любом режиме и ему всегда будут нужны квалифицированные кадры, которые готовили в Дипакадемии. Меня в то время затащила политика, с 1990 г. я был депутатом Моссовета последнего созыва. А когда в 1993 г. все Советы распустили, я уехал в аспирантуру в Оксфорд и долго не видел Евгения Петровича, хотя и следил за его работами.

Вернувшись и поступив на работу в МГИМО, я иногда заходил к нему в гости, мы разговаривали о том о сем в его кабинете в Большом Козловском переулке, ино-

гда меня даже приглашали в квартиру к Бажановым на престижном Кутузовском проспекте. Квартира эта всегда поражала меня многочисленными китайскими вещами, знаменитой коллекцией кукол и хорошим ремонтом, который в то время был многим не по карману. Иногда я просил его подписать мне какую-нибудь рекомендацию, что он безотказно делал. Всегда дарил свои многочисленные книги. Написаны они были в основном в публицистическом или научно-популярном стиле. Это была некая смесь воспоминаний, рассуждений и пересказанных занимательных сведений, почерпнутых из самых разных источников. Многие из них были посвящены разным сторонам жизни Китая, и я читал их с интересом.

В 2005 г. я попросил его помочь в организации защиты моей докторской диссертации в Дипломатической академии, и он сразу же согласился. Защищаться в МГИМО, в учреждении, где сам работал, считалось не очень этичным, к тому же в Дипакадемии Евгений Петрович организовал мне полную техническую поддержку. Диссертацию я защищал по тексту монографии об образе Китая в России, которая вышла за несколько лет до этого, той самой, к которой он написал весьма лестное предисловие. Сам же он выступил научным консультантом диссертации.

Как-то раз он показал мне свои воспоминания о работе в ЦК под характерным названием «Вознесенные на Олимп». Эта была довольно едкая, саркастическая критика священного для советской бюрократии места, написанная легко и с юмором. Евгений Петрович хотел опубликовать эти воспоминания в каком-нибудь толстом журнале, который бы читали не только востоковеды или международники, но и культурная общественность в целом. Я через разных знакомых помог напечатать их в журнале «Знамя», и статья вызвала определенный резонанс. Кое-что в ней, правда, меня несколько удивило. Евгений Петрович резко и заслуженно критиковал организацию, в которой стремился работать и в которой проработал довольно долгое время. Ушел он, только когда стало ясно, что там нет никаких перспектив. Из воспоминаний становится понятно, что занимался он делом, которое презирал. Он как бы раздвоился: для начальства был верным партийцем, а для себя и друзей – критиком режима. Он описывал сотрудников как напыщенных ничтожеств (какими они, возможно, и были), их задания и всю их деятельность – как абсурдную, бессмысленную и даже вредную. И тем не менее он занимался всем этим весьма усердно, хотя в общем-то его никто не заставлял. Сам я, например, ушел из МИД частично поэтому, а еще потому, что у меня кончался комсомольский возраст и мне нужно было вступать в КПСС (беспартийных там не держали). А в КПСС мне вступать совершенно не хотелось.

В этом тексте Евгений Петрович, например, описывал историю, как один из начальников дал ему задание подготовить справку о том, что в проводящем активные реформы Китае все еще процветает «маоизм», а другой, более высокий начальник поручил написать, что этот самый «маоизм» там давно отброшен. Евгений Петрович написал две справки противоположного содержания и отдал их каждому из начальников, прекрасно понимая, что никакого «маоизма» в Китае давно нет, а его сторонники сидят в тюрьме.

Кажется, он сам мне рассказывал, что речь здесь идет о противоречиях между заместителем заведующего Отдела ЦК КПСС по связям с коммунистическими и ра-

бочими партиями социалистических стран (сокращенно просто «Отдел») О.Б. Рахманиным, который в течение долгого времени курировал там китайское направление, и назначенным в марте 1986 г. М.С. Горбачевым новым заведующим этого отдела секретарем ЦК КПСС В.А. Медведевым. О.Б. Рахманин был твердым сталинцем и называл китайских сторонников рыночных реформ «правыми маоистами», обвиняя их в отходе от классической социалистической модели. Человек с твердыми убеждениями, он активно пытался убедить товарищей по партии в верности своего подхода, который полностью расходился с подходом М.С. Горбачева и его ближайшего сторонника В.А. Медведева. В результате, через несколько месяцев О.Б. Рахманина отправили на пенсию. Однако заставила меня задуматься не сама эта борьба, а роль в ней Евгения Петровича. «Неужели нельзя каким-нибудь, пусть не прямым, образом все же сформулировать одну позицию – ту, которую считаешь верной? – думал я. – Ведь есть же в конце концов совесть. Ну, пусть даже не совесть в моральном смысле, но научная добросовестность, что ли. Конечно, это дело рискованное, но, с другой стороны, возможно, тебя кто-то будет уважать за то, что ты имеешь собственную позицию. Может быть, это даже будешь ты сам».

Впрочем, кажется, Евгений Петрович не задавался подобными вопросами. Все, что он делал, он делал легко. Он легко раздваивался, оставаясь одним для начальства и подчиненных и совершенно другим для друзей и родственников. Для первых он писал записки и доклады, такие, как они хотят, а для вторых – многочисленные воспоминания и публицистические заметки, в которых высказывал, все, что думает. В них он мог быть резким в критике как общественной жизни вообще, так и бывших коллег в частности. И чем дальше действительность разводила эти две его личности, тем сильнее становилось противоречие между ними и тем длиннее и резче становились его записки. За эту критику, как говорят, он в конце концов и поплатился своей должностью ректора.

Работая в Центре исследований Восточной Азии и ШОС МГИМО, я задумал книгу об истории и современности российско-китайских отношений. Моя идея состояла в том, чтобы всю эту историю разбить на несколько периодов и попросить написать главы по каждому из них лучших специалистов в стране. Проблем возникла по периоду после образования КНР в 1949 г. и до распада СССР. Специалисты по нему были либо люди пожилые советские, зафиксированные на прежних оценках, либо молодые, плохо знавшие то время. Первоначально я поручил эту главу одному молодому специалисту, работавшему за границей и много изучавшему российские и китайские архивы. Однако результат меня не вдохновил. Оказалось, что ему было трудно понять дух времени и мотивы лидеров, например Мао Цзэдуна, Сталина, Хрущева. Архивы архивами, но должно быть еще знание широкого контекста, понимание смысла и значения российско-китайских дискуссий. И я предложил сделать это Евгению Петровичу. Он, несмотря на свою занятость, согласился. Вскоре он дал текст, частично уже где-то несколько раз опубликованный, но исправленный и дополненный. Часть материала была взята еще из его диссертации, рукопись которой он мне дал для сверки сносок. Она и сейчас стоит у меня на полке.

Несмотря на недостатки, это было совершенно другое дело! Евгений Петрович отлично разбирался во всех тонкостях и перипетиях российско-китайских отношений того времени, часть из которого он сам работал на китайском направлении и был в курсе многих событий и их интерпретаций. С текстом, конечно, мне как редактору, пришлось серьезно поработать: выверить ссылки, добавить новые цитаты из работ российских и зарубежных китаеведов, чтобы создать впечатление широкого использования литературы, дополнить все это интересными кусками из некоторых других работ автора, которые имели отношение к делу. Одним словом, создать так называемый «научный аппарат», которому Евгений Петрович особого значения не придавал. Закончил я книгу, уже работая в Дипломатической академии вместе с Евгением Петровичем. Вышел довольно солидный том, и мы провели его презентацию с участием ведущих российских и зарубежных китаеведов. Евгений Петрович был доволен, о чем сам написал в целом томе воспоминаний, посвященном первым годам его ректорства в академии.

Ректором он стал в 2011 г. после того, как несколько его предшественников довели ее до весьма плачевного состояния. И он довольно быстро предложил мне занять должность проректора по научной работе, которую освободил он сам. Мне это было нужно, можно сказать, что я даже мечтал о чем-то таком, потому что к тому времени я уже много лет работал на одной и той же должности в МГИМО и хотел чего-то нового и более масштабного. В упомянутых воспоминаниях он сам рассказал, что в его решении большую, может быть, решающую роль сыграла Наталья Евгеньевна. Он советовался с ней по многим вопросам, а она продолжала мне симпатизировать несмотря на то, что видел я ее гораздо реже, чем его. Возможно, некоторую роль сыграло и то, что по моей просьбе мой отец поговорил о его кандидатуре на высоком уровне. Об этом, опять же, написал сам же Евгений Петрович. Отец тогда занимал довольно высокую должность и к его мнению прислушивались, хотя, конечно, он был не единственным таким ходатаем.

Я хотел, чтобы Евгений Петрович стал ректором. И не потому, что на что-то рассчитывал. А просто считал, что лучше него человека не найдешь, он знает Дипакадемию насквозь, к тому же всегда неплохо иметь знакомого на высокой должности: мало ли для чего это может пригодиться. А Евгений Петрович называл меня другом и был со мной на «ты». Я же, конечно, называл его почтительно на «Вы» и «Евгением Петровичем», ведь он был на 15 лет старше меня и уже был почтенным дипломатом, когда я еще студентом приехал в посольство.

Случилось так, что я все-таки стал проректором, хотя Евгений Петрович, как он сам утверждает, какое-то время уговаривал ректора МГИМО А.В. Торкунова разрешить мне уйти в Дипакадемию, оставшись в МГИМО лишь на часть ставки. Поначалу мы вместе работали над налаживанием научной работы вполне успешно. Перестроили работу научного подразделения – Института актуальных международных проблем, создали систему внебюджетного финансирования научной работы и зарубежных поездок исследователей, провели многочисленные резонансные научные конференции, запустили научный журнал «Россия и мир» на основе аналитических материалов сотрудников. Но постепенно мы сильно разошлись в отношении к науч-

ной работе, перспективам ее развития в Дипакадемии, а также в стиле руководства и понимании того, зачем вообще нужно быть руководителем. Я понял тогда, что, начав работать под его руководством, несмотря на все заверения в дружбе, в его системе координат я перешел из разряда друзей в разряд подчиненных и мне все чаще приходилось иметь дело со вторым Евгением Петровичем, а не с первым. И дело здесь не в каких-то политических расхождениях. По убеждениям Евгений Петрович был умеренным западником, то есть выступал за развитие отношений с Китаем и странами Азии не в качестве альтернативы традиционным связям России с Западным миром, но как дополнение к ним. Для него это было важнейшее направление, которому ранее не уделялось достаточного внимания и укреплению которого он посвятил всю жизнь. Под этим общим углом он и смотрел на Китай и на отношения России с ним. Не идеализируя Азию, он понимал ее значение для будущего нашей страны. Все это вполне мне импонировало. Проблемы были, как говорится, скорее стилистическими. В результате, после окончания моего трехлетнего контракта я решил его не продлевать и перешел на работу в НИУ ВШЭ, куда меня активно приглашали.

С тех пор мы не виделись. Это, конечно, очень печально. Когда в 2022 г. мы в Институте Китая и современной Азии РАН, бывшем ИДВ, в котором, кстати, Евгений Петрович был аспирантом и защитил кандидатскую диссертацию, запустили журнал «Российское китаеведение», я несколько раз звонил ему, чтобы попросить написать что-то для него. Но он не брал трубку. Наверное, болел или был занят. Я все же отправлял электронные номера журнала ему на WhatsApp, и он, вроде бы, их видел, надеюсь, что просматривал. Увидел же я его в последний раз только на похоронах. Но обо всем этом когда-нибудь позже. А сейчас просто помянем Евгения Петровича Бажанова: человека веселого и жизнерадостного, который хорошо понимал Китай, и, относясь к нему объективно, в то же время любил его.